Большая победа маленького человека

1.

Наверное, каждый человек в течение всей своей жизни хранит в памяти какие-то картины или эпизоды из далекого детства. Это может быть подъезд родного дома с облупившейся штукатуркой и настенными надписями типа «Маша + Ваня = любовь». А может быть большой парк или крохотный скверик, где он, еще совсем маленький, по осени гуляя с родителями, собирал опавшие желтые и красные листья, пытаясь соорудить из них букет. Или речка, куда он с ватагой таких же голопузых ребятишек бегал купаться и ловить рыбу. Кто-то, впервые попав в цирк, на всю жизнь запомнил испытанный восторг при виде акробатов и воздушных гимнастов, совершающих невероятные кульбиты и полеты под самым куполом так, будто на них, как на космонавтов, не действуют силы земного притяжения. Память может сохранить и такие простые, но для ребенка необыкновенно дорогие предметы, как оловянные солдатики, или плюшевый мишка с оторванной лапой,

или поломанный игрушечный грузовичок без одного колеса.

Виктор Северцев лучше всех других картин своего детства почему-то запомнил красную вывеску«Агитпункт», подсвеченную изнутри лампами. Вывеска висела над входом в женскую школу, размещавшуюся в четырехэтажном кирпичном здании. Шел 1947 год. В стране еще действовало раздельное обучение. Мужская школа, где учился третьеклассник Витя, находилась дальше от дома, в котором Витя жил. Поэтому каждое утро от дома до школы он проходил темной улицей, где единственным светлым пятном была та самая вывеска. Первую половину пути вывеска находилась впереди по ходу, и Витя шел к ней, по-детски воображая, что идет навстречу какой-то светлой мечте, правда, не вполне понимая, к какой, но обязательно светлой, которая непременно сбудется, как только Витя станет взрослым.

Поравнявшись с вывеской, он каждый раз принимался составлять слова из букв, входящих в слово «агитпункт». Получались «кнут», «кит», «танк», «утка» и еще множество слов. Вите нравилась эта незатейливая игра. Особую радость он испытывал, если вдруг из тех же букв удавалось сложить новое, ранее ему неизвестное слово. Так, однажды в какой-то «взрослой» книжке он прочел слово «пакт», узнал его значение и с большим удовольствием обнаружил, что оно тоже состоит из букв, входящих в слово «агитпункт».

Витя шел дальше. Светящаяся вывеска оказывалась у него за спиной. Мальчик часто оглядывался, словно прощаясь с этой светлой точкой до следующего утра.

А происходило все это в небольшом городке Соломбале, рядом с Архангельском, в устье реки Северная Двина. Там стоял корабль, на котором служил Витин отец, морской офицер. Вообще-то Витиному отцу, как и всем военнослужащим в то послевоенное время, часто приходилось по приказу командования менять места службы. Семья, естественно, вслед за отцом тоже была вынуждена менять места жительства. В свои девять лет Витя уже успел пожить в Архангельске, Мурманске, Полярном, теперь вот жил в Соломбале, за три года сменив четыре школы.

Деревянный двухэтажный дом, в котором жил Витя с родителями и младшим братом, не был подключен к центральному отоплению, поэтому жители на зиму запасались дровами. Вите нравилось в паре с отцом пилить дрова. За этой работой он чувствовал себя вполне взрослым. На предложения отца немного отдохнуть, как правило, отвечал отказом. «Папа, я совсем не устал», — бодро заявлял упрямый мальчишка, хотя его правая рука и поясница нестерпимо ныли. И тогда отец, видя, что сын работает из последних сил, через какое-то время, демонстративно отдуваясь и вытирая пот со лба, говорил: «Что-то я немного утомился, сынок. Давай отдохнем, что ли». И только тогда сын снисходительно соглашался.

Но особенно нравилось Вите колоть дрова. После окончания тяжелейшей войны прошло всего два года. Дети, защищенные взрослыми от всех тягот военного времени и в силу своего возраста еще не способные оценить пережитую народом страшную трагедию, продолжали увлекаться военной романтикой. Рассекая топором мерзлые поленья, Витя представлял себя лихим кавалеристом, разящим шашкой многочисленных врагов. И потом, сидя у печки, где веселым пламенем, тихо потрескивая, горели нарубленные им дрова, распространяя на маленькую квартирку приятное тепло и создавая тем самым домашний уют в их скромном жилище, Витя опять воображал себя бойцом на привале у костра, отдыхающим после жестокого, но, конечно же, победного боя.

Жила семья небогато, впрочем, как и вся страна в те годы, жила трудно, но с твердой верой в светлое будущее. И для девятилетнего Вити своеобразным символом этого будущего стала светящаяся красная вывеска, встречавшая его ежедневно по дороге в школу.

Но есть у жизни и грубая, а порой просто омерзительная сторона. Рано или поздно с ней приходится столкнуться даже детям. Вошла она и в Витину жизнь, вошла внезапно, непредсказуемо, непостижимо для детского сознания, ударила жестко и цинично.

Обычно дрова держали в сараях, располагавшихся рядом с домами. Но у одних жильцов сараи были слишком маленькими, у других их занимало что-то другое, например, старая мебель, которую уже использовать нельзя, но выкинуть жалко. В этих случаях дрова складывали с наружной стороны так, чтобы поленница опиралась на стены сарая. Это обстоятельство и создало предпосылки для нелепого конфликта.

Как-то погожим зимним воскресным днем ребята решили поиграть в войну. В те времена только в войну и играли. Задумали сделать крепость. Одни должны ее защищать, другие — штурмовать. В качестве снарядов использовались снежки. Крепости обычно тоже делались из снега. Но на этот раз кто-то из старших мальчишек предложил в качестве стройматериала использовать не снег, а дрова. Идея понравилась. Действительно, лепить крепостные стены из снега слишком долго, а из толстых бревен и уже наколотых дров можно воздвигнуть крепость за несколько минут. Сказано — сделано. Растащили

поленницу, сложенную у одного из сараев. Из бревен соорудили фундамент, а из поленьев — стены, укрываясь за которыми можно было обстреливать «противника», оставаясь почти неуязвимым для встречного обстрела. Витя, решивший играть в команде защитников крепости, готовясь к бою, налепил большое количество снежков.

И сражение началось. Атакующие, щедро осыпаемые снарядами-снежками, отважно шли на штурм. Защитники крепости столь же отважно отражали атаки «противника», тем более что деревянные крепостные стены надежно защищали их от снарядов нападающих. Обстановка складывалась в пользу защитников. Крепость казалась неприступной. Но неожиданно ряды наступающих стали численно возрастать. Дело в том, что игравшие во дворе мальчишки, в том числе совсем маленькие первоклашки, первоначально не принимавшие участия в штурме, оказались охваченными общим азартом и присоединились к атакующим. Всем захотелось овладеть такой красивой, не снежной, а почти настоящей крепостью. Среди нападающих оказались даже девочки, правда, они больше радостно визжали и тем самым подымали боевой дух бойцов противоборствующих сторон.

Положение защитников крепости становилось критическим; на стороне атакующих был явный численный перевес. Витя и его товарищи уже приготовились к рукопашной схватке. Но вдруг нападавшие, уже вплотную подошедшие к крепостным стенам и пытавшиеся перелезть через них, сначала отхлынули назад, а затем бросились врассыпную. Ребята, находившиеся внутри крепости, с криками «Атас!» тоже побежали, оставив свои позиции.

Витя не сразу понял, что произошло, а когда сообразил, было уже поздно. Здоровенный мужик с искаженным злобой лицом схватил мальчика за воротник куртки, оторвал от земли, а затем с силой бросил на рассыпавшиеся дрова. Витя сильно ударился головой и спиной, но в первый момент не почувствовал боли и вскочил на ноги. Однако мощный удар в лицо вновь свалил его на землю. Из носа пошла кровь, оставляя красные пятна на снегу.

Сколько бед приносит людям несдержанность, безрассудная вспыльчивость, когда инстинктивные действия опережают трезвую мысль! Если бы свирепый мужик, хозяин дров, сумел обуздать свой, пусть даже справедливый гнев и спокойно обратился к ребятам, указав им на их проступок, дальнейшие события развивались бы совсем по-другому. Действительно, ведь он затратил немало сил, складывая заготовленные на зиму дрова, а мальчишки ради детской забавы ликвидировали результаты его труда; значит, ему придется заново проделать уже выполненную ранее работу, затратив на нее значительную часть своего единственного выходного дня. И ребята бы его поняли. Ведь они сделали это не по злобе; они просто играли в войну. И они наверняка помогли бы ему собрать раскиданные по снегу дрова, причем делали бы это так же охотно и весело, как и полчаса назад, когда разрушали поленницу.

Но восторжествовала злоба и «справедливый» гнев. Мужчину не отрезвил даже вид крови, вытекающей из носа лежащего на снегу мальчишки. «Хулиганы, бандиты! Гитлера на вас нету!» — яростно рычал он.

Но и в Витиной душе в этот момент поднималось какое-то совершенно новое, до этого ему незнакомое, совсем недетское возмущение. Конечно, как и всем мальчишкам, ему приходилось участвовать в драках. И разбитые носы, и расцарапанные лица, и синяки под глазами он видел неоднократно. Однако только что случившееся было нечто совсем иное, не вписывающееся в Витино сознание. До сих пор большинство Витиных знакомых взрослых мужчин составляли офицеры и матросы корабля, на котором служил отец и на котором Витя проводил значительную часть свободного от учебы и домашних дел времени. Моряки по-доброму относились к шустрому любознательному мальчику, объясняли устройство корабля, знакомили с различными морскими премудростями, рассказывали о дальних походах, а часто просто баловали его. Такими же были и ближайшие соседи по дому. Поэтому Витя привык смотреть на мужчин как на добрых старших товарищей, учителей и защитников. То, что произошло, безжалостно ломало все его представления о взаимоотношениях со взрослыми, о справедливости, о безусловной победе добра над злом. Поступить так, как этот мужик, мог только фашист; Витя это твердо знал, поскольку читал книжки и смотрел кинофильмы о недавно закончившейся войне. А прозвучавшее слово «Гитлер» лишь усилило его убежденность: перед ним фашист! И, не обращая внимания на боль, Витя вскочил на ноги, схватил ближайшее полено и бросился на того, кого определил как врага в прямом и полном смысле этого слова.

Мужчина левой рукой легко отразил удар мальчика и вновь повалил его на землю. Витина детская попытка оказать сопротивление, по-видимому, разожгла в нем злобу до уровня, превышающего все сколько-нибудь разумные пределы. И он начал ногами избивать лежащего на снегу

мальчишку. Трудно предположить, чем бы закончилась эта мерзкая экзекуция, но в какой-то момент мужчина споткнулся о лежащее на земле полено и чуть не упал. Ловкому мальчишке хватило доли секунды, чтобы вскочить и броситься бежать.

За домом его ждали ребята, наблюдавшие картину избиения их товарища, глубоко возмущенные, но лишенные возможности ему помочь. Теперь они обступили Витю тесным кольцом, всячески выражая ему сочувствие. Кто-то дал ему платок, чтобы остановить текущую из носа кровь, кто-то принялся отряхивать снег с его куртки. А старший мальчик, тот самый, кто предложил использовать дрова для строительства крепости, вдруг тихо, но почти по-взрослому твердо сказал: «Держись, Витя! Мы этому фашисту еще покажем, где раки зимуют! Он нас надолго запомнит».

2.

Утром в понедельник Витя шел в школу в самом мрачном настроении. Все тело ныло от побоев. Но гораздо сильнее, чем физическая боль, его угнетало чувство глубокого унижения и осознание свершившейся страшной несправедливости. Мальчик понимал, что он просто не сможет дальше так жить, что он должен что-то сделать, но не мог понять, что именно. Первое, что пришло ему в голову, — рассказать все отцу. Но этот вариант он сразу же отбросил. Во-первых, мальчишки и он, Витя, в том числе, тоже были виноваты. Во-вторых, Витя хорошо знал крутой нрав отца и опасался, что в ответ на избиение сына отец может просто искалечить того мужика. А за это, как офицер, он наверняка понес бы суровое наказание. И, наконец, в-третьих, отец неоднократно говорил Вите, что каждый человек должен стараться самостоятельно решать свои проблемы. К помощи других людей нужно прибегать только в самых крайних случаях. И Витя твердо решил, что все сделает сам. Вот только он никак не мог понять, что же нужно делать в столь неожиданной для него ситуации.

Будучи глубоко погруженным в свои мрачные мысли, Витя не сразу обратил внимание на то, что вывеска, свет которой каждое утро сопровождал его на пути в школу, сегодня не горит. Вероятнее всего, ее просто временно отключили в связи с ремонтом или заменой электропроводки. Но Витя, и без того находившийся на грани нервного срыва, воспринял это как предсказание дальнейших несчастий, как символ грядущих бед, готовых ворваться в его еще такую короткую жизнь.

Между тем обещание проучить «фашиста», данное старшим мальчишкой, не осталось голословным. До позднего вечера хозяин дров собирал поленья и укладывал их у стен сарая. Но на другой день, возвращаясь из школы, Витя увидел, что все дрова вновь разбросаны, причем не только у сарая, а по всему двору. Теперь за каждым поленом нужно было идти довольно далеко. Хозяин после работы до полной темноты успел только собрать дрова и свалить их в кучу около сарая; сложить их в аккуратную поленницу у него не хватило времени. Однако следующим вечером дрова вновь оказались разбросанными по всему двору.

Диверсионная деятельность, хотя и детская, была тем не менее хорошо организована. Ребята, учившиеся во вторую смену, растаскивали дрова утром, сразу же после ухода взрослых на работу. Завершали это мероприятие учащиеся первой смены после школы, но до возвращения с работы взрослых. Полярная ночь, пусть и не такая длительная, как в высоких северных широтах, помогала маленьким диверсантам. Светало в Соломбале поздно, темнота наступала рано. Почти полное отсутствие уличного освещения и частые обильные снегопады были только на руку мальчишкам-разбойникам.

Витя, естественно, тоже попытался принять участие в этих проделках, но старшие товарищи решительно пресекли эти попытки. «Не лезь, Витька! Мы без тебя справимся, — сказали ему. — Тебе нельзя рисковать, потому как тебя первого заподозрят». И Витя не рисковал, но всякий раз, возвращаясь из школы, с удовлетворением окидывал взглядом двор с разбросанными по всей территории поленьями.

Постепенно взрослые стали обращать внимание на происходящие во дворе странные явления. О причинах пытались расспрашивать хозяина злополучных дров. Но тот только хмуро отмалчивался или мычал что-то совершенно невразумительное. Он, безусловно, понимал, что если начнет рассказывать, то неминуемо всплывет факт жестокого избиения девятилетнего мальчика.

В том, что все это проделки детей, у взрослых не было сомнений. Удивляла лишь четкая целенаправленность, суровая, совсем недетская настойчивость, хорошо продуманная тактика. Это было не похоже на обычные детские шалости и даже на хулиганство. Здесь угадывались какие-то более серьезные причины. Однако расспросы детей, даже самых маленьких, не дали результатов. Мальчишки смотрели на «дознавателей» наивными глазками, пожимали плечиками и молчали, как партизаны. Даже девочки, известные ябеды, на этот раз ничего не сказали. Детский коллектив был

предельно строго проинструктирован старшими мальчиками. Все понимали, что с «предателем» разговор будет коротким. Но главным фактором в данном случае явилась детская солидарность, чувство единения вокруг правого дела, чувство, впервые переживаемое большинством детишек.

Наконец мужик понял тщетность своих усилий, бессмысленность противостояния детскому бунту. В очередное воскресенье он открыл сарай, вытащил оттуда старые стулья, тумбочки, шкафчики, рваную одежду, коврики, посуду с отколовшейся эмалью и прочий годами копившийся хлам. Вещи, посуду и какие-то железяки неясного происхождения он отнес на помойку, а мебель порубил. В результате в сарае образовалось дополнительное место, куда он и сложил дрова. Снаружи осталась лишь маленькая поленница, не вместившаяся в сарай.

Ребята решили, что враг капитулировал, а ими одержана полная победа, и прекратили «диверсионные» действия. Растаскивать оставшуюся маленькую поленницу было неинтересно, да и вся эта «война» им уже несколько поднадоела. На этом все могло бы и закончиться, и должно было закончиться. Но, по-видимому, микроб человеческой злобы слишком живуч; не случайно же говорят о злопамятстве некоторых людей. Такие люди долго помнят зло, причем не только то, что им причинили, но и то, что причинили они. В любом случае они ненавидят людей, с которыми у них произошел, пусть давно, даже незначительный конфликт.

3.

Однажды, вскоре после окончания «дровяной войны», Витя вез на саночках с колонки два ведра воды. Водоснабжение, как и заготовка дров, входило в его обязанности. Чтобы ведра не падали во время движения, отец прикрепил к саночкам дополнительные планки. Справедливости ради стоит отметить, что родители старались не слишком обременять девятилетнего сына домашними заботами. Когда отец бывал дома, он сам ходил за водой и наполнял ею все имеющиеся в комнате емкости. И дрова колол впрок, чтобы надолго хватило. Но отец бывал дома редко. Летом большую часть времени корабль находился в море, а зимой, когда Белое море покрывалось льдом, отец занимался ремонтом и обучением экипажа. Работал до позднего вечера и оставался ночевать в своей каюте, чтобы рано утром уже быть на ногах и лично наблюдать за уборкой помещений и проворачиванием механизмов корабля. В отсутствие отца значительная часть домашних дел ложилась на Витины плечи.

Витя уже подходил к дому, когда вдруг перед ним выросла фигура его недавнего врага, владельца дров. В первый момент мальчик нисколько не испугался, так как в силу своей детской наивности считал, что «война» окончена и бывшие враждующие стороны больше не имеют претензий друг к другу. Но он жестоко ошибся.

— Ну что, гаденыш, наигрался моими дровами?! Вдоволь позабавился? — сквозь зубы злобно процедил мужчина.

— Я не трогал ваши дрова! — вскричал Витя.

В определенном смысле это была правда: он действительно не участвовал в разбрасывании дров. Но мужчина как будто его не слышал.

— Я каждый вечер, после работы, усталый, собирал по всему двору свои полешки, а ты небось смотрел и радовался. Вот тебя бы так заставить!

— Да говорю же, не трогал я ваши дрова! — повторил Витя.

Мужчина, по-видимому, сообразил, что мальчик не врет. Один он и не смог бы разбросать дрова по такой большой площади. Наверняка в этом деле принимали участие и другие ребята. В конце концов этот мальчишка уже получил свое. Теперь надо бы проучить и других. Если и не избить, то хотя бы уши им надрать.

— Отвечай, кто творил это хулиганство?

— Не знаю.

— Врешь, сучонок! Все ты знаешь. Отвечай, или я тебе сейчас башку оторву!

Грозно нахмурив брови и сжав губы, мужчина надвигался на мальчика. Но, видимо, он плохо знал мальчишек военных лет, тех мальчишек, чьи отцы прошли войну и, вернувшись домой, невольно передали детям дух фронтовой дружбы, боевой отваги, презрения к врагу.

— А я тебя не боюсь! — крикнул Витя и, сжав кулачки, бесстрашно сделал шаг навстречу грозному противнику. — Если тронешь, мы тебе не только дрова, но и сарай по всему городу раскидаем!

— Что-о-о?! — взревел мужик и уже поднял руку, замахнувшись для удара.

Но в последнее мгновение что-то такое увидел он в глазенках стоящего перед ним и в упор смотрящего на него мальчика, что рука его невольно опустилась. Несколько секунд он стоял, тяжело дыша, не зная, что предпринять. Неутоленная злоба требовала выхода. И тогда изо всех сил он ударил ногой по наполненным водой ведрам. Саночки перевернулись, вода вылилась на снег.

Вид опрокинутых саночек и ведер, а также выражение растерянности на Витином лице несколько охладили мужика. Он криво усмехнулся и голосом человека, вполне удовлетворенного резуль-

татами своих действий, язвительно бросил обескураженному Вите:

— Иди за водой обратно! — И уже почти спокойно добавил: — Я вот так же несколько раз дрова собирал. Теперь ты почувствуй, что это такое.

И пошел по своим делам. При этом дважды оглянулся, чтобы увидеть, как реагирует на произошедшее ненавистный мальчишка.

А Витя стоял, будто заторможенный, глубоко переживая новую обиду. Наконец он пришел в себя, поставил на полозья саночки, закрепил на них пустые ведра и поплелся на колонку.

Именно в этот момент он твердо решил отомстить своему обидчику. Но как это сделать? Обратиться за помощью к ребятам? Не годится. Ведь в случае с дровами они все участвовали и прекрасно понимали, что Витя пострадал за всех. Поэтому и мстили коллективно. Но случившееся сегодня никто не видел, и Витя решил, что это касается только его самого. И значит, справиться с проблемой должен он сам, только сам, без посторонней помощи.

Витя понимал, что противник по всем показателям во много раз сильнее его. Что же может противопоставить девятилетний мальчик взрослому мужчине? Витя долго и мучительно думал и вдруг наткнулся на очень простое решение. Как он сразу до этого не додумался? Рогатка! Конечно же, рогатка! Извечное детское оружие. Его имели и активно использовали почти все мальчишки послевоенных лет. Стреляли по импровизированным мишеням: пустым бутылкам, консервным банкам, старым детским игрушкам. Бывало, на спор разбивали и без того редкие уличные фонари. Некоторые ребята использовали рогатки для охоты на воробьев, но таких «охотников» Витя решительно осуждал.

Родители, понимая, к каким трагическим последствиям могут привести детские шалости с рогатками, категорически запрещали детям иметь подобное оружие. Они отыскивали рогатки в самых укромных местах, куда прятали их изобретательные мальчишки, и безжалостно уничтожали. Но рогатки появлялись снова и снова, благо что сделать их было не так уж и сложно. Разоружить детское воинство не было никакой возможности.

Витя хорошо стрелял и нередко выходил победителем в соревнованиях даже со старшими по возрасту ребятами. Он понял, что рогатка — это, пожалуй, единственное средство, с помощью которого он сможет одолеть своего сильнейшего противника. Но еще предстояло решить, каким образом использовать это оружие. Стрелять открыто, как по бутылкам, нельзя. За такие проделки можно и в милицию загреметь. Значит, напасть на врага нужно скрытно, в темное время суток, как партизаны, о которых Витя читал в книжках.

Мальчик тщательно готовил акт возмездия, воображая себя как минимум начальником оперативного отдела штаба армии, планирующим крупную наступательную операцию. Прежде всего, он выследил, что его противник ходит на работу тем же маршрутом, что и Витя в школу, только примерно на час раньше. Затем его внимание привлекли расположенные на данной улице остатки недавно сгоревшего барака. Большую часть досок люди уже растащили, но кое-что еще осталось. Это было идеальное место для засады. Немало времени Витя затратил на заготовку боеприпасов. Камни-патроны для рогатки должны быть круглыми и примерно одинакового размера. Когда к нападению все было готово, Витя решил провести тренировочный бой. После тщательного осмотра он выбрал наиболее удобную позицию за разрушенными стенами сгоревшего барака и сделал несколько пристрелочных выстрелов из своего оружия.

Как опытный полководец он решил дать бой в ненастную погоду, посчитав, что это обеспечит ему преимущество перед противником. И такой день настал. Еще с ночи зарядила метель. Утром, взглянув в окно, Витя увидел, что снежные хлопья под сильным ветром летят почти параллельно земле. Он быстро умылся, оделся, наскоро перекусив, вышел из дома. На вопрос матери, почему он уходит так рано, ответил что-то невразумительное, вроде того что класс готовится к очередному утреннику и на сегодня назначена репетиция.

Опустив уши шапки-ушанки и подняв воротник пальто, Витя быстро добежал до своего укрытия в сгоревшем бараке, занял заранее подготовленную позицию и в ожидании своего врага начал наблюдение за пустынной улицей с очень редкими прохожими. Ветер и снег не проникали в укрытие, но Витя вдруг ощутил сильную нервную дрожь и учащенное сердцебиение. В самом деле, ведь ему предстояла не какая-нибудь мальчишеская драка, а серьезный бой с грозным противником. Расчет строился на внезапности нападения и необычности используемого оружия. Но как поведет себя противник, Витя не мог предположить. А значит, и решения о своих дальнейших действиях он вынужден будет принимать мгновенно, не имея времени на раздумья.

Ждать пришлось недолго. Витя узнал мужчину по одежде и характерной походке. Он шел, слегка согнувшись, укрываясь от порывистого ветра и густого снега. И в этот самый момент, увидев живьем своего врага, Витя

вдруг совершенно успокоился. Исчезла нервная тряска, исчез страх, внимание сосредоточилось на приближающейся цели. Именно цели, а не человеке. Человек существует в других ситуациях. А в данную секунду он — всего лишь цель. И промахнуться нельзя!

Через много лет, уже в старших классах занимаясь в секции самбо, Витя, выросший к тому времени в крепкого подростка Виктора, испытывал те же чувства: нервничал перед схваткой и совершенно успокаивался, ступив на ковер.

Витя взял рогатку в левую руку, правой вложил камень в резиновое ложе и, когда мужчина оказался на кратчайшем расстоянии от засады, медленно натянул до предела резинку, а затем резко ее отпустил. Он увидел, как мужчина схватился за голову и даже слегка присел. Камень, выпущенный из рогатки, вполне мог пробить голову, но зимняя шапка смягчила удар. И все же мужчина, по-видимому, испытал сильную боль. Витя взял второй камень и выстрелил, почти не целясь, не сомневаясь, однако, что и этот выстрел будет точным. И не ошибся. Мужчина закрутился на месте. Ослепленный снежной метелью, он, вероятно, не мог понять, откуда ведется стрельба. После того как Витя всадил третий камень в своего врага, тот обратился в бегство. Он был уже достаточно далеко, к тому же из-за снега плохо виден, но Витя послал ему вдогонку еще один камень, хотя и понимал, что этому выстрелу не суждено достигнуть цели. Скорее, это был салют победителя. Витька торжествовал. Взрослый мужик бежал с поля боя! Бежал от него, девятилетнего мальчишки! Это действительно была полная победа!

Витя поднялся с пола, сунул рогатку в карман брюк, отряхнулся от снега и мелких щепок, надел на плечи ранец и пошел в школу. Его торжество было настолько сильным, что он даже не замечал летящего в лицо и слепившего глаза снега. Он шел навстречу метели твердой походкой, как триумфатор.

И вдруг сквозь снежную пелену Витя увидел знакомую вывеску. Она вновь светила, и, как показалось Вите, светила ярче, чем всегда. Возможно, Витя просто был в приподнятом настроении, а возможно, во время ремонта в вывеске установили новые лампочки. Но ее свет пробивался сквозь снежную мглу, и Витя был уверен, что этот свет зажегся специально для него. Он освещает дорогу победителю!

4.

Пройдет много лет, и штурман Виктор Северцев будет водить суда по безбрежным океанам планеты Земля. И всякий раз, проходя мимо знакомых или вовсе незнакомых берегов или приближаясь к порту, он будет пеленговать маяки, сверяя по ним курс судна. И всякий раз свет маяков с дальностью действия до десятков миль будет напоминать ему свет маленькой вывески из далекого детства. Свет этой вывески проникал разве что на несколько десятков метров, зато он прошел через несколько десятилетий жизни Виктора Северцева как талисман, постоянно, в любых, даже самых сложных ситуациях вселяя в него надежду на удачу, на успех в достижении своих целей, на воплощение заветной мечты.

За золотым руном

1.

В морском порту Владивостока транспортный рефрижератор «Ангара» готовился к выходу в рейс. Судну предстояло доставить на рыбокомбинаты, разбросанные по западному берегу Камчатки, промысловое вооружение, продовольствие, различные товары широкого потребления. На обратный путь следовало загрузиться рыбой для холодильника Владивостока.

Обычная предрейсовая суета никого не оставляла без дела. Портальные краны опускали в трюмы последнюю партию груза для камчатских рыбаков. За погрузкой внимательно следил 2-й помощник капитана: груз на его ответственности; 3-й помощник в штурманской рубке раскладывал в определенном порядке карты, только что откорректированные в навигационной камере. Матросы под руководством боцмана тащили в кладовые тросы и скобы, бидоны с краской и бутыли с растворителями, рукавицы и перчатки, кисти, валики, ветошь и прочие, казалось бы, мелкие, однако совершенно необходимые в повседневной жизни судового экипажа вещи. Повара размещали на полках пакеты и коробки с продуктами. Механики и мотористы в глубинах

машинного отделения колдовали каждый над механизмом, находящимся в его ведении. Члены экипажа, грузчики, представители береговых служб то поднимались по трапу на судно, то вновь сходили на причал.

И всем этим с виду беспорядочным «броуновским движением», совершенно непонятным постороннему наблюдателю, с привычным спокойствием руководил старший помощник капитана Виктор Константинович Северцев, молодой, но уже вполне опытный штурман. Он отлично видел четкий порядок в этом кажущемся беспорядке, он понимал действия каждого члена экипажа и точно знал, что к моменту выхода из порта все будет на своих штатных местах и все будут готовы профессионально исполнять свои обязанности согласно штатному расписанию.

Но вдруг нестандартная деталь нарушила привычную картину подготовки судна к рейсу. По причалу, явно в сторону «Ангары», шел заместитель начальника Управления рефрижераторного флота. Многолетний опыт давно убедил Северцева в том, что появление начальства, как правило, не сулит ничего хорошего. В лучшем случае судно получит какое-нибудь дополнительное задание, а в худшем... Но о худшем лучше не думать, чтобы заранее не портить настроение.

Северцев надел фуражку, постарался придать лицу выражение радушного хозяина и поспешил навстречу начальственному гостю. Тот как раз поднимался по трапу. Ступив на палубу, начальник приветливо улыбнулся и протянул Северцеву руку.

— Привет, старпом! Как жив-здоров?

— Да все, слава богу, вашими заботами. — Северцев пожал руку начальнику.

— Как идет подготовка к рейсу?

Вопрос был откровенно риторический, поэтому и ответ Северцев дал такой же:

— Все нормально. К выходу в море практически готовы.

— Это хорошо. — Начальник одобрительно кивнул головой, а затем после небольшой паузы продолжил: — Тут вот какое дело, Константиныч. Придется вам взять на борт двух пассажиров. Капитан уже в курсе, в общих чертах, конечно. Ну а детали — это уже ваша вахта, старпом.

— Да какие проблемы! — Северцев пожал плечами. — Не в первый раз. Подумаешь, два человека! По двадцать возили в районы лова и обратно.

— Да я знаю. Только вот на сей раз пассажиры не совсем обычные.

— Начальство, что ли? — хмуро спросил Северцев, почувствовав, как начинает портиться настроение.

Им уже приходилось пару раз возить начальников разного ранга в район промысла. Только лишние хлопоты в жизни судового экипажа, и без того достаточно напряженной. Начальству полагалось предоставить отдельные каюты, по возможности наиболее комфортабельные. А на грузовом (то есть не пассажирском) судне обычно лишних кают или не бывает вовсе, или бывает от силы одна-две. Приходилось переселять младших штурманов или механиков, чтобы в их каютах разместить высокопоставленных пассажиров. Во время рейса начальники от скуки постоянно лезли туда, где их не особенно желали видеть: на ходовой мостик, в штурманскую рубку, в кают-компанию и столовую команды, где моряки отдыхали после вахты. Иногда делали замечания, что серьезно раздражало людей даже в тех случаях, когда эти замечания были вполне справедливы.

Начальник отлично понял, о чем в эту минуту думает Северцев, и, усмехнувшись, поспешил его успокоить:

— Не хмурься, Константиныч, от начальства вас пока Бог миловал. — И, повысив голос, торжественно произнес, скорее даже провозгласил: — Артистов повезете! Пока вы там будете заниматься погрузкой-выгрузкой, они будут выступать перед тружениками камчатских рыбокомбинатов.

А вот это уже было нечто совершенно новое. Это было необыкновенно интересно. Упавшее было настроение стремительно прыгнуло вверх. Широко улыбнувшись, Северцев заверил начальника:

— Не волнуйтесь. Встретим приветливо, устроим с комфортом, доставим, куда нужно, в целости и сохранности.

— Не сомневаюсь. Но дело не только в этом. — Начальник понизил голос и, мягко взяв Северцева под руку, отвел его в сторону, вероятно для того, чтобы их не слышал вахтенный матрос у трапа. — Как я уже сказал, пассажиров двое — пожилой мужчина и молодая женщина. Это означает, что, во-первых, нужны две отдельные каюты. Во-вторых, и это главное. — Последовала пауза, а затем нечто озадачившее Северцева. — Вам, старпом, придется оградить женщину от домогательств ваших пиратов. Знаю я, как мужики в рейсе смотрят на симпатичных пассажирок. Тем более что в данном случае на судне будет находиться не просто пассажирка, а артистка. — Начальник снова немного помолчал, после чего уже совсем тихо произнес: — А мужчину нужно будет оградить от зеленого змия, что, как вы понимаете, еще труднее.

— Пьет? — растерянно спросил Северцев, хотя ответ был предельно ясен.

— Глушит по-черному. Меня предупредили, что если дорвет-

ся до злодейки с наклейкой, все выступления сорвет. Скандал получится. Так что будьте бдительны, старпом!

Настроение Северцева вновь медленно поползло вниз. Мало ему хлопот со своими любителями выпить при каждом удобном случае, так тут еще предстоит и за пассажиром приглядывать. Но ответил он твердо:

— Не волнуйтесь, все будет нормально.

— Я не первый день вас знаю, Виктор Константинович. И я на вас надеюсь.

Северцев по действующему на флоте обычаю предложил гостю пообедать в кают-компании, но тот, поблагодарив, отказался, сославшись на неотложные дела, и покинул судно.

2.

Вопрос с размещением артистов Северцев решил довольно быстро. На «Ангаре» имелась одна резервная каюта. Вторую каюту Северцев получил, переселив 4-го механика к рефрижераторному механику. Это был оптимальный вариант, поскольку 4-й механик несет вахту в дневное время, с 8:00 до 12:00 и с 20:00 до 24:00, и, следовательно, не будет мешать отдыхать своему соседу. Конечно, оба механика немного поворчали, но скорее для проформы; они понимали, что старпом принял правильное решение.

Девушки-дневальные сделали в обеих каютах тщательную уборку, сменили постельное белье и полотенца, наполнили графины свежей водой. В каюту, предназначенную для женщины, даже поставили маленький букетик. Цветы в распоряжении Северцева не фигурировали; девушки сделали это по собственной инициативе, за что Виктор Константинович их искренне поблагодарил.

Вскоре к борту судна подкатила черная «Волга», из которой вышел солидный пожилой мужчина. Он распахнул заднюю дверь машины, и оттуда на причал выпорхнула очень симпатичная девушка с зачехленной гитарой в руках. Шофер открыл багажник и достал чемоданы, тут же подхваченные вахтенным матросом.

Гости поднялись по трапу, где их встретил старпом Северцев. Мужчине было лет шестьдесят, но выглядел он отлично: высокого роста, стройный, густые, хотя и седые волосы, модный костюм, явно импортный, на шее вместо галстука небрежно повязанный платок, в левой руке — красивая борсетка.

Девушка, скорее молодая женщина, в джинсовом костюме приветливо улыбнулась Северцеву и еще нескольким морякам, подошедшим к трапу посмотреть на необычных гостей.

Едва ступив на палубу, мужчина принял театральную позу, явно пародируя традиционного актера-трагика, и торжественным голосом произнес:

— Приветствую отважных аргонавтов на борту этого чудесного корабля! Пусть помогут нам боги Олимпа в походе за золотым руном! — Затем уже вполне буднично тоном спросил Северцева: — Когда отходим, мой капитан?

Северцев решил поддержать театральную импровизацию гостя и одновременно показать, что и моряки не такие уж профаны в области культуры.

— Раз на борт прибыл Ясон с прекрасной Медеей... — вежливый кивок в сторону девушки... — ничто больше не удерживает нас на этой грешной земле.

Пожилой артист посмотрел на Северцева с радостным удивлением:

— О, мой капитан, вы знакомы с древнегреческой мифологией?

— И не только с ней, как это ни странно.

Северцев видел, что артист слегка навеселе, и данное обстоятельство несколько портило впечатление от первого знакомства. Но сам артист этого не замечал. В предвкушении предстоящего плавания он был в отличном настроении.

— Мой юный друг... — Кажется, он уже был готов заключить Северцева в объятия. — Как это прекрасно — совершить путешествие в компании высококультурного человека! Дни и ночи до утренней зари мы проведем с вами в дружеских беседах, посвященных актуальнейшим вопросам мировой культуры и, прежде всего, театрального искусства.

«Как бы не так, — усмехнулся про себя Виктор Константинович, — ночью с 4:00 до 8:00 я на вахте, да и днем полно работы, весьма далекой от театрального искусства».

Но вслух он вежливо предложил гостям пройти в приготовленные для них каюты.

Мужчина представился:

— Аполлинарий Посейдонский, артист Областного драматического театра. А Медея, как вы изволили весьма остроумно подметить, на самом деле очаровательная девушка и прекрасная, подающая большие надежды актриса Лариса Дунаева. Кстати, мой юный друг, вы женаты?

— Нет, — ответил Северцев, слегка озадаченный неожиданным вопросом.

— Отлично! — радостно воскликнул артист. — Когда вы увидите и услышите, как Лариса исполняет романсы, аккомпанируя себе на гитаре, вы непременно в нее влюбитесь.

Лариса смущенно улыбнулась, опустив голову.

Северцев наконец представился:

— Виктор Константинович Северцев, старший помощник капитана, всегда к вашим услугам.

Около кают гостей встретила буфетчица.

— Вот ваше пристанище на все время рейса, — с улыбкой сказала она, передавая гостям ключи от кают. — Располагайтесь. Как только устроитесь, я покажу вам, где находятся душевые и кают-компания. По всем вопросам обращайтесь ко мне в любое время.

— Отлично, — поблагодарил Северцев буфетчицу. — Передаю наших гостей в ваши опытные и ласковые руки. А я пойду по делам. С минуты на минуту отходим.

3.

«Ангара» отошла от причала в 14:00. Как только на корме уложили швартовы, распоряжавшийся там 2-й помощник капитана поднялся на мостик; было время его вахты. Северцев спустился вниз. До его вахты оставалось еще почти полтора часа. Он прошел по палубе, внимательно посмотрел, не осталось ли каких-нибудь предметов не убранных или прочно не принайтовленных; в море хорошая волна быстро все смоет за борт. С удовлетворением отметил, что на палубе полный порядок. После этого он зашел в надстройку.

И здесь Северцев вдруг услышал громкие голоса и задорный женский смех. Для судна на ходу такое было непривычно. Источник шума находился в каюте артиста. Решительно открыв дверь в каюту, Северцев увидел теплую компанию. Кроме Посейдонского, здесь находились Лариса, 4-й механик вместе с рефрижераторным механиком и буфетчица. На столе стояла наполовину опорожненная бутылка водки; пустая бутылка из-под коньяка скромно приютилась под столом.

Появление старпома нисколько не смутило пожилого артиста. Дружески протянув руки Северцеву, он радостно воскликнул:

— Мой адмирал, присоединяйтесь к нам! Предлагаю вам, как человеку, прекрасно знающему греческую мифологию, вспомнить бога Диониса, покровителя виноделия. Ах, какие праздники устраивали древние греки в честь этого веселого бога, между прочим, сына самого Зевса!

«Как быстро меня повышают в звании, вот я уже и адмирал! Хорошо бы и в жизни так», — с иронией подумал Северцев, но вслух сказал:

— К сожалению, мне в 16:00 заступать на вахту, так что присоединиться к вам никак не могу.

— Какая жалость! — искренне огорчился артист. — Но мы вас ждем. Я чувствую, вы станете душой нашей компании!

Ничего не ответив, Северцев вышел из каюты, предварительно бросив красноречивый взгляд на буфетчицу. Та выскочила вслед за старпомом.

— В чем дело? — Северцев строго посмотрел на смутившуюся женщину. — О чем мы с вами говорили перед самым приходом этих пассажиров, черт бы их побрал!

— Виктор Константинович, — бросилась оправдываться буфетчица, — он попросил меня приготовить какую-нибудь еду. А когда я принесла ее в каюту, оказалось, что это закуска. И ребята уже там сидели. Ведь вообще-то это каюта 4-го механика.

— И что с того? — Северцева всегда раздражали неуклюжие оправдания выпивки в неположенное время. — Судно на ходу, 4-му механику заступать на вахту в 20:00. Вам нужно готовить кают-компанию к ужину. А вы пьянствуете. Нечего сказать, хорошее начало рейса!

— Не волнуйтесь, Виктор Константинович. Я всего одну рюмочку выпила. Ну не могла я отказаться! Он так галантно предложил. Не то что наши мужики! Но я все сделаю: и ужин, и все остальное.

При очевидной неловкости ситуации Северцев все же не смог сдержать улыбку. Наши женщины, к сожалению, не избалованы галантным обращением. Поэтому импозантному актеру не составило большого труда соблазнить бедную женщину на маленькое нарушение.

— Ладно, проехали, — смягчился старпом. — У меня к вам вот какая просьба. Мне сейчас неудобно слишком откровенно прерывать эти пьяные посиделки. Поэтому вы, пожалуйста, зайдите к ним под каким-нибудь благовидным предлогом, например, спросите, желают ли господа артисты чаю. А сами незаметно намекните нашим механцам, чтобы они валили оттуда на свои рабочие места.

— Все поняла, Виктор Константинович! Сделаю. Так я пойду к себе в буфет?

— Идите.

Северцев прошел в свою каюту. Он вымыл руки, сложил в ящики бумаги, лежавшие на столе, убрал в шкаф рабочую одежду.

Вдруг послышался неуверенный стук в дверь каюты.

— Войдите! — громко сказал Северцев.

В каюту робко вошла Лариса.

— Виктор Константинович, я не могла не заметить ваше неудовольствие, — смущенно заговорила она. — Наверное, мы нарушили судовой распорядок.

— Судовой распорядок нарушили не вы, а члены нашего экипажа. Вы пассажиры, а они — часть команды судна, совершающего рейс. Они прекрасно знают устав и так же прекрасно знают, что они его нарушили.

— Но меня почему-то тоже не покидает чувство вины.

— Ваша вина в другом, Лариса. Вы ведь знаете слабость вашего старшего друга. Вероятно, вас даже перед этой командировкой театральное начальство соответствующим образом проинструктировало.

— Было дело. — Лицо Ларисы залилось краской.

— Ну, вот видите. А что если он пьяный выйдет на палубу освежиться и свалится за борт или сунет руки, куда не положено? На судне много мест, опасных для непосвященных.

— Хорошо, я все поняла, — ответила Лариса и, немного помолчав, вдруг с какой-то внутренней болью заговорила: — Если бы вы знали, Виктор Константинович, какой это талантливый человек! Артист от Бога! Да на сцене он сам как Бог. Зрители часто ходили не столько на спектакль, сколько на Аполлинария Посейдонского. — Лариса опять помолчала, затем уныло продолжила: — Он ведь служил в Новосибирском театре. И ему даже как-то весьма прозрачно намекнули о возможном переводе в Москву. Но пьянство все перечеркнуло. Говорят, был какой-то пьяный дебош с участием высокопоставленных лиц, грандиозный скандал. Я подробностей не знаю. Только из театра его выгнали. И вместо Москвы он очутился во Владивостоке. Взяли под клятвенное заверение, что с пьянством завяжет прочно и навсегда. Какое-то время держался. И играл замечательно. А потом все пошло по-прежнему. Не являлся на репетиции, опаздывал на спектакли, в нетрезвом виде выходил на сцену. В результате ему перестали давать главные роли. Так, небольшие рольки второго плана, чуть ли ни «кушать подано». Но надо отдать ему должное, он и эти роли исполняет блестяще. Ну а для заработка ездит на гастроли вроде нынешней поездки.

— Да, в нашей профессии такое тоже часто случается, — заметил Северцев. — Прекрасный специалист с большим стажем вдруг начинает пить и через какое-то время совершенно спивается. Скажите, Лариса, а семья у него есть?

— Была жена, тоже актриса. Умерла от рака. Говорят, он ее безумно любил. И в запой ударился после ее смерти. Приехал к нам. Получил комнатушку в коммунальной квартире. Вот так и живет.

— Жаль, конечно, но что делать? Сам виноват, — сказал Северцев и тут же спросил: — Аполлинарий Посейдонский — это, вероятно, театральный псевдоним?

— Да, — грустно усмехнулась Лариса, — на самом деле он всего лишь Павел Подойницын. Но согласитесь, разве с таким именем можно выходить на сцену? И поскольку он с детства мечтал о море, вот и взял псевдоним, производный от имени греческого Бога морей.

— Ну а Лариса Дунаева — это, надеюсь, ваши настоящие имя и фамилия?

— Настоящие, настоящие, — засмеялась девушка. — Между прочим, Лариса — это тоже морское имя, в переводе означает «чайка». — Вдруг, будто что-то вспомнив, Лариса радостно предложила: — А мы можем выступить прямо на судне перед вашим экипажем. Разумеется, бесплатно. Организуете нам помещение и публику, свободную от вахты?

— Без проблем, — так же радостно ответил Северцев. — Соберемся в столовой команды, моряки с удовольствием вас послушают. — Но тут же озабоченно добавил: — Если только погода позволит.

4.

Но погода не позволила. Охотское море встретило «Ангару» неприветливо. Волны раскачивали судно так, что ни о каком концерте не могло быть и речи. Артисты страдали от морской болезни. В кают-компании они не появлялись, поскольку на пищу даже смотреть не могли. Буфетчица кормила их солеными огурцами с сухариками. Это немного облегчало их мучения.

К счастью, шторм оказался непродолжительным. К тому времени, как «Ангара» достигла западного берега Камчатки, ветер стих, и море почти успокоилось. Однако начинать грузовые операции было пока невозможно. Дело в том, что западный берег этого огромного полуострова пологий, и волны длительное время накатываются на берег даже после того, как шторм на море прекратится. Это явление моряки так и называют — «накат». Он исключает возможность проведения каких-либо работ на берегу. Нужно ждать прекращения наката. Глубины у берега недостаточные для подхода морского судна. Поэтому грузовые операции производятся на рейде. С берега к борту судна буксир подводит плашкоут с рыбопродукцией. Судовыми кранами или стрелами ее перегружают в трюмы. А с судна на плашкоут грузят всякие снабженческие грузы для рыбокомбината. Буксир отводит плашкоут к берегу. Далее циклы повторяются. Но все это лишь после того, как прекратится накат.

«Ангара» встала на якорь у рыбокомбината «Белореченский». Катер доставил на судно представителей комбината. На коротком собрании команды судна под председательством капитана договорились, как это было принято в те годы, о выполнении грузовых операций силами судового

экипажа. На комбинате не хватало людей. После непродолжительного спора определили стоимость работ. Завершилась эта первая встреча легкой, чисто символической выпивкой в каюте капитана и обедом в кают-компании.

Представители рыбокомбината на том же катере отправились на берег, взяв с собой артистов. Решили, пока идет накат и грузовые операции все равно выполнять невозможно, порадовать работников комбината концертом. И то сказать, такие развлечения на их долю выпадают крайне редко. Сообщение о прибытии артистов уже было передано на комбинат и вызвало там радостное возбуждение. Северцев тоже отправился на берег, чтобы оформить необходимые документы.

Виктор Константинович отметил, что на сей раз Посейдонский был абсолютно трезв и спокоен, а Лариса заметно волновалась.

Катер подошел к крохотному деревянному причалу. Все вышли на берег и двинулись в сторону рыбацкого поселка. Северцев внимательно смотрел по сторонам. Сейнеры, спрятавшиеся от недавнего шторма в устье небольшой речушки, серое здание рыбокомбината, складские помещения. Перед входом на когда-то красном, но уже совершенно выцветшем транспаранте, — лозунг, который, хотя и с трудом, но все-таки можно было прочесть: «Рыбак, береги соль! Это твое и народное богатство!» Под лозунгом — солидная гора рваных мешков с высыпавшейся из них солью. Далее в беспорядке располагались невзрачные жилые домишки. Среди них выделялись высотой и относительной добротностью два дома: управление рыбокомбината, над которым ветер полоскал такой же выцветший и потрепанный снегом и дождем флаг, и клуб с прикрепленной к стене афишей, сообщавшей о предстоящем выступлении артистов из Владивостока.

Представители рыбокомбината предложили Северцеву:

— Мы заскочим в контору, окончательно оформим все бумаги, проставим подписи и печати. После концерта вам отдадим. А вы идите прямо в клуб. Пусть артисты подготовятся к выступлению. Вон люди уже собираются.

Довольно просторный зал клуба заполнялся людьми. Девушки и пожилые женщины стояли у стен. Некоторые грызли семечки, сплевывая кожуру в бумажные пакетики. Другие шушукались, как видно, о чем-то, своем, девичьем, и тихо посмеивались, время от времени бросая лукавые взгляды в сторону парней. Парни же, напротив, громким смехом, похожим скорее на лошадиное ржание, приветствовали входящих в зал приятелей, обнимались и крепко хлопали друг друга по плечам. Большинство из них было явно навеселе.

Северцев с тревогой смотрел на эту так называемую публику. Как встретит несчастных артистов лихой рыбацкий народ?

Наконец на сцену вышел старик — директор клуба и пригласил всех занять свои места. Публика, толкаясь, с грохотом и смехом рассаживалась кто куда. Парни не упускали случая в этой сутолоке крепко прижать подвернувшуюся под руки девицу, а затем громким хохотом сопровождать ее испуганный и одновременно радостный визг.

Северцеву директор клуба предложил место в первом ряду. Постепенно шум в зале прекратился, наступила относительная тишина, изредка прерываемая сдержанными покашливаниями.

Торжественным голосом директор объявил о начале концерта. Открылся занавес. На сцене за столом сидели Посейдонский и Лариса. Зал встретил их дружными аплодисментами. Артисты начали рассказ о своем театре. Говорила в основном Лариса, Посейдонский лишь изредка вставлял шутливые реплики. Люди слушали с интересом. Для них это был рассказ о какой-то другой, оставленной в далеком прошлом жизни, к которой они, однако, мечтали когда-нибудь вернуться.

Рассказ длился недолго. Посейдонский вдруг поднялся из-за стола и сказал:

— Друзья мои, как говорится, соловья баснями не кормят. И сейчас наша очаровательная Лариса Дунаева продемонстрирует вам свое искусство.

Два парня, добровольные помощники из числа работников комбината, быстро убрали со сцены стол, а Посейдонский вынес из-за кулис гитару и с церемонным поклоном подал ее Ларисе.

Лариса исполнила несколько романсов, и, надо сказать, исполнила прекрасно. Зал долго аплодировал. Девушке пришлось несколько раз выйти на сцену и раскланяться. Наконец она подняла руку, призывая публику к тишине.

— А сейчас старейший артист нашего театра Аполлинарий Посейдонский прочтет вам рассказ замечательного русского писателя, актера, режиссера... — Лариса сделала паузу, а затем не сказала, а скорее провозгласила: — Василия Макаровича Шукшина. — Она призывно протянула руку в сторону кулис. Оттуда вышел Посейдонский.

— Рассказ называется «Осенью», — каким-то совершенно будничным, Северцеву даже показалось, равнодушным тоном обратился к залу артист.

Северцев очень любил рассказы Шукшина: пронзительная тоска деревенского мужика, десятилетиями давимого властью, и одновременно гордость

сельского труженика, прекрасно осознающего свою великую миссию на земле, миссию кормильца; вековая усталость от тяжкого крестьянского труда, и тут же неповторимый мужицкий юмор; острый, смекалистый ум и тупая упертость в простых, казалось бы, вопросах, — все это с болью в сердце и щедростью самобытного таланта поведал людям замечательный писатель.

Рассказ «Осенью» Северцев помнил очень хорошо. В нем повествовалось о том, как паромщик Филипп Тюрин, будучи в молодости активным проповедником всего нового, с ураганной силой ворвавшегося в деревню вместе с революцией — раскулачивания, колхозов, выборов, антирелигиозной пропаганды и прочего, — горячо любил местную красавицу Марью. И она его тоже любила и готова была замуж за него выйти. Но только при непременном условии — венчании. А «сознательный» Филипп никак не мог этого допустить. Так и разошлись они. Марья вскоре вышла замуж за Павла, парня из другого села. Конечно, венчались. Филипп тоже женился. И прожили оба всю жизнь с законными, но нелюбимыми супругами. Изредка встречались на пароме: Марья ездила в город к детям.

И вот как-то холодной, дождливой осенью к Филиппу на паром въехала крытая машина, везущая покойника. И по тому, что среди мужиков, стоящих у машины, Филипп увидел Павла, он вдруг с ужасом понял, что в последний путь везут Марью, его пожизненную, непреходящую любовь.

Посейдонский начал рассказ очень спокойно, будто в тесной дружеской компании за столом или на лесной поляне у костра. Но было в голосе его что-то такое, от чего зал притих и с нарастающим напряжением вслушивался в каждую фразу, в каждое слово. Северцев вдруг почувствовал, что и он поддается этому необычному гипнозу. Он как будто не слышал слов, а видел перед собой картины происходящих событий. Вот Филипп по чавкающей под ногами грязи идет к реке. Вот он перевозит людей туда-сюда, то есть с одного берега реки на другой и обратно. А вот на паром на трех легковых машинах с лентами и шарами въезжает свадьба. Северцев слышит голос артиста на сцене как бы издалека, а перед глазами — подвыпившая компания на пароме и смущенные, потому что трезвее других, жених и невеста. Разудалый дядька в шляпе, стремящийся показать размах, удаль, заставивший баяниста играть и сам пустившийся в пляс. Но только ничего у него не получилось, никого не заразил своим деланым весельем. На него-то и смотреть было неловко, стыдно. Северцеву приходилось бывать в таких ситуациях, когда общей радости, коллективного веселья нет, а попытки отдельных бодрячков поднять тонус компании выглядят жалко и нелепо.

Свадьба уехала. «Раза два еще сплаваю и пойду на обед», — решил Филипп. И тут он увидел машину с покойником. Голос артиста не стал громче, но все явственнее зазвучали в нем тревожные ноты, как предвестники надвигающейся страшной беды. Несмотря на то, что Северцев хорошо помнил содержание рассказа, по его спине пробежал холодок, как если бы он слышал все это впервые.

«Марью везут!» — прозвучало со сцены, но Северцеву почудилось, что это не артист сказал, а сам несчастный, обескураженный неожиданностью и прибитый горем ахнул про себя, как завороженный, Филипп.

«Господи, господи... Марья... Да ты ли это?» Самый дорогой человек плывет с ним последний раз...

Голос звучал со сцены, как накат волн на Камчатский берег. «И опрокинулось на Филиппа все не изжитое жизнью, не истребленное временем, не забытое, дорогое до боли... Вся жизнь долгая стояла перед лицом — самое главное, самое нужное, чем он жив был... Он не замечал, что плачет. Смотрел вслед чудовищной машине, где гроб...»

Северцев, будто очнувшись, окинул взглядом зал. И парни, и пожилые мужчины, сжав зубы и пальцы, сурово смотрели на сцену. Хмель вышибло без остатка. А девушки утирали платочками влажные глаза. Некоторые даже не обращали внимания на откровенно текущие слезы.

А артист продолжал нести в зал бездонное горе Филиппа: «Вот теперь жизнь пойдет как-то иначе: он привык, что на земле есть Марья. Трудно бывало, тяжко — он вспоминал Марью и не знал сиротства. Как же теперь-то будет? Господи, пустота какая, боль какая!»

Северцев слушал рассказ талантливого писателя в исполнении талантливого артиста и думал о том, как бездарно мы порой организуем собственную жизнь. За деревьями не видим леса, за ворохом житейских мелочей безвозвратно упускаем что-то важное, что только и может придать жизни глубокий смысл, наполнить ее интересным содержанием, сделать воистину достойной. С какой непростительной небрежностью из-за мелочных, часто мнимых обид рвем связи с близкими людьми! И осознаем это лишь тогда, когда остаемся в полном одиночестве или в окружении нелюбимых, в сущности, совершенно чужих людей, отчего одиночество ощущается еще острее.

Крытая машина, навсегда увозящая Марью, съехала с парома, а Филипп продолжал неподвижно стоять у весла. Он ощутил

нестерпимую боль в груди и стремительно нарастающее беспокойство.

Вдруг артист заговорил все громче и все быстрее, почти скороговоркой. Это Филипп на машине, съехавшей с парома последней, бросился догонять фургон с гробом. И вновь перед глазами Северцева предстала картина: две машины по слякотной дороге едут через село. Одна медленно, будто понимая, что спешить уже некуда, конечная остановка, дальше пути нет. А вторая, словно на что-то еще надеясь, несется следом, разбрызгивая лужи и подпрыгивая на ухабах.

Обогнали фургон. Филипп спрыгнул на дорогу и поднял руку. Машина с гробом остановилась. Филипп зашел сзади и попытался влезть в кузов, чтобы проститься с Марьей. Но вдруг Павел, муж, а теперь, стало быть, уже вдовец, с искаженным злобой лицом стал выталкивать Филиппа, стоящего на железной короткой лесенке и держащегося руками за кузов.

Голос артиста загремел во всю мощь; ему уже было тесно в этом зале, он прорывался сквозь закрытые окна и двери, будто стремясь проникнуть в скромные домики жителей рыбацкого поселка, донести до них эту, казалось бы, житейскую, но одновременно и страшную трагедию как следствие человеческой глупости, амбициозности и тупого эгоизма.

Два осиротевших мужика, Павел и Филипп, забыв о глубокой скорби, о том, что рядом с ними лежит, пусть мертвая, но любимая женщина, не стесняясь сидящих в машине людей, выплескивали друг на друга годами накопившуюся жгучую ненависть. Один из них не сберег свою любовь, променял ее на призрачные идеологические догмы; другой взял чужое, ему не принадлежащее, да так и страдал всю жизнь от нелюбви живущей с ним женщины.

— Ты же побирушка! — надрывным голосом артиста кричал Филипп Павлу.

— А ты скулил всю жизнь, как пес, за воротами! Не я побирушка-то, а ты! — яростно бросал в ответ Павел тем же голосом со сцены.

В неудержимом, но безнадежно запоздалом стремлении вернуться в безвозвратное прошлое, в бессмысленной борьбе за любимую, но навсегда ушедшую женщину, в настигшем вдруг осознании совершенной в жизни страшной и уже непоправимой ошибки они гневно обвиняли друг друга, хотя каждый в глубине души понимал, что виноват-то прежде всего он сам. И от того их взаимные обвинения звучали все злее, все оскорбительнее.

Артист полностью владел залом и своим проникновенным, неотразимым голосом вбивал в сознание внимавших ему людей: «Как страшно бывает опоздать! Как непростительно предавать! Как важно в жизни отличать подлинное от призрачного! И еще. Рано или поздно, но за все придется платить: за причиненную боль, за совершенное зло и несовершенное добро». И казалось, что не в зале, а над всей суровой Камчаткой и коварным Охотским морем звучит извечное: «Не предавайте своих любимых! Спешите делать добро! А то ведь можно и не успеть и на всю жизнь остаться непрощенным должником».

Негромким, спокойным голосом, таким же, как начинал, артист заканчивал рассказ: «Ветер заметно поослаб, небо очистилось, солнце осветило, а холодно было. Голо как-то кругом и холодно. Да и то — осень, с чего теплу-то быть?»

Артист слегка, видимо, просто потому, что так положено, поклонился залу и неторопливым шагом покинул сцену.

А зал молчал. Северцеву показалось, что молчание длится слишком долго, неприлично долго. «Что же это они? Нельзя же так! Надо хотя бы похлопать», — только успел подумать он, как зал буквально взорвался аплодисментами. Парни хлопали, не жалея мозолистых рыбацких ладоней, девушки жадно, призывно смотрели на уже опустевшую сцену, будто ждали еще чего-то. Раздавались крики «браво!»

Посейдонский вышел на сцену и на сей раз низко поклонился. Но зал продолжал бушевать. Артисту пришлось выходить еще несколько раз, пока, наконец, старичок-директор с большим трудом не успокоил публику.

Вновь появилась Лариса. На этот раз она исполнила несколько современных песен. Ей дружно аплодировали.

В конце артисты вышли вдвоем. И поскольку Северцев сидел в первом ряду, опытным глазом он уловил, что Посейдонский слегка под хмельком. «Вот старый черт, уже успел!» — с раздражением подумал он. По-видимому, Аполлинарий принял за воротник, пока Лариса находилась на сцене.

Но публика этого не заметила. Зал, стоя, продолжительными аплодисментами и восторженными возгласами приветствовал стоящих на сцене, и прежде всего, конечно, Посейдонского.

Северцев прошел за кулисы и горячо поздравил артистов.

— Вы были просто великолепны! Я такое вижу впервые, хотя бываю в театре почти каждую стоянку, если только время позволяет, — сказал он с искренним восхищением, а затем добавил уже будничное: — Я сейчас за-

скочу в контору, заберу документы, и поедем на судно.

— Есть, мой капитан! — бодро ответил Посейдонский. — Встретимся на катере.

Северцев пробыл в конторе совсем недолго, но, придя на катер, обнаружил Посейдонского в состоянии полного опьянения и совершенно расстроенную, заплаканную Ларису, сразу бросившуюся с оправданиями:

— Виктор Константинович, я не уследила. Оказывается, ему в клубе как бы в награду дали бутылку. И пока я переодевалась... С ребятами еле дотащили его до катера.

— Ладно, — махнул рукой Северцев, — в каюте отоспится, протрезвеет.

5.

«Ангара» сделала заходы еще на несколько рыбокомбинатов: Октябрьский, Крутогорово и другие. И везде артисты выступали с огромным успехом. Посейдонский читал рассказы Чехова, Зощенко, но чаще все же Шукшина. Слушая рассказ «Забуксовал», зал буквально стонал от смеха. В рассказе говорится о том, как совхозный механик Роман Звягин никак не мог уразуметь, почему у Гоголя в «Мертвых душах» бойкая необгонимая «Русь-тройка», под которой дымом дымится дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади, и которой, посторaниваясь, дают дорогу другие народы и государства, почему эта птица-тройка везет прохиндея, шулера Чичикова.

Подойдя к самому краю сцены и сделав ужасно удивленное лицо, каким-то потерянным голосом, в котором слышались и недоумение, и возмущение, артист, пристально глядя прямо в глаза зрителям, произносил: «Вот так номер! Мчится, вдохновенная Богом! — а везет шулера. Это что же выходит? — не так ли и ты, Русь?.. Тьфу!»

Люди смеялись, но, выходя из клуба после окончания концерта, кое-кто в раздумье обращался к приятелю: «А ведь и правда! Горбатимся всю жизнь, а на горбу у нас кто сидит? Кого везем в светлое, так сказать, будущее?» И не услышав вразумительного ответа, многозначительно подытоживал: «Вот то-то и оно!»

Раздав на рыбокомбинаты все необходимое снабжение и полностью загрузив трюмы мороженой рыбой, «Ангара» возвращалась во Владивосток. На обратном пути погода стояла хорошая, море было спокойное. Артисты выступили перед экипажем, и, конечно же, с огромным успехом. Повара приготовили для них огромный торт. Мотористы подарили выточенный на станке большой кубок с выбитым на нем якорем и названием судна. Во Владивостоке расставались, как с родными. Моряки звали артистов в следующие рейсы, а артисты приглашали моряков в театр на спектакли с их участием.

6.

Месяца через три, уже глубокой осенью, вернувшись в порт после очередного рейса, Северцев решил сходить в театр, посмотреть активно рекламируемый новый спектакль и, возможно, встретиться со знакомыми артистами. Накануне он взял билет в городской театральной кассе, а вечером следующего дня отправился в театр.

Войдя в театральное фойе, Северцев внезапно уперся взглядом в большой портрет Посейдонского, заключенный в траурную рамку с черной лентой наискосок в нижнем углу. Артист смотрел на Северцева спокойно, внимательно и даже как-то проникновенно, будто хотел сказать что-то такое, что известно только им двоим. В его глазах и слегка дрогнувших губах Северцев даже уловил едва заметную улыбку, как у Мадонны Леонардо да Винчи. Он вдруг представил, как этот талантливый артист сейчас сойдет с портрета и бодрым голосом провозгласит: «Мой капитан! Мы покидаем родную землю и, как аргонавты за золотым руном, плывем в наше золотое, счастливое будущее!»

«Вот ты и покинул родную землю, — с тяжелой грустью подумал Северцев, — только до счастливого будущего так и не доплыл».

Смотреть спектакль уже совсем не хотелось. Северцев вышел на улицу. Здесь толпа неудачников, не сумевших заранее купить билеты на спектакль, стреляла лишние билетики у их счастливых обладателей. К Северцеву подскочила девушка и умоляюще посмотрела в его глаза. Она еще не успела ничего сказать, как Северцев протянул ей билет. Девушка аж засветилась от радости.

— Ой, спасибо! Огромное вам спасибо! — заверещала она и открыла миниатюрный кошелек, чтобы достать деньги.

— Не нужно денег, — остановил ее Северцев, — лучше помяните артиста Посейдонского. Он умер.

— Я знаю. Он скончался еще на прошлой неделе. А вы разве не знали?

— Узнал минуту назад. Я только вчера вернулся из рейса.

— Вы были с ним близко знакомы, что так переживаете? — с явным сочувствием спросила девушка.

— Мы вместе ходили за золотым руном, — вполне серьезно ответил Северцев и быстро пошел в сторону паромной переправы на мыс Чуркин, где в рыбном порту стояли транспортные рефрижераторы, в том числе и его «Ангара».

Над городом и заливом нависла промозглая осень, как в рассказе Шукшина, с таким блеском, с такой проникновенной силой исполненном талантливейшим актером. Северцев шел и думал: «Ну почему в России люди с недюжинными способностями так часто спиваются? Ведь и сам Василий Макарыч был не без греха. Да и многие-многие другие». Северцев стал в уме перебирать наших славных соотечественников, создавших великую, самобытную русскую культуру. Ох, как много их, и русских, и особенно советских, закончили жизнь в пьяном угаре, почти в небытии! Почему? Только ли смерть любимой жены явилась причиной пожизненного запоя незаурядного артиста? Вряд ли. Видно, есть в жизни нашего народа, нашей страны что-то такое, что пробуждает в душах умнейших людей с ярко выраженными творческими способностями непреодолимое желание залить эту жизнь, а вместе с ней и свой талант, бесконечным потоком коварного зелья, приятно возбуждающего и одновременно отвлекающего от безысходной повседневности.

Северцев почувствовал, как вместе с глубокой печалью, вызванной смертью артиста, в нем поднимается какая-то неосознанная, непонятно на кого направленная злоба. И от этой обволакивающей злобы он даже ускорил шаг. «А может, все потому, что мы веками, как гоголевская "Русь-тройка", везем на своих плечах проходимцев и жуликов? — подумал он. — Мы, напрягаясь, везем, а они, вальяжно рассевшись, едут, да еще и понукают».

Северцев представил, как во время шторма судно форштевнем разрезает встречную волну. Огромные массы воды накатываются на палубу и бьют в иллюминаторы ходового мостика. От их ударов дрожат переборки с закрепленными на них приборами. Но судно, как «Русь-тройка» неудержимо рвется вперед, идет по проложенному капитаном курсу, и даже могучий океан не в силах его остановить. В такой обстановке не может быть жуликов, для них там попросту нет места и нет дела. Там могут быть, там могут жить только те, кто готов идти вперед, разрезая океанские волны, вперед, к заветной цели.

«Вот и жизнь нужно строить по такому же принципу, — подумал Северцев. — Но только как это сделать?» Ответа у него не было. Пока не было.

Продолжение следует.

Мурманск — Москва